

Олег БЛОЦКИЙ

БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

современная военная проза

САМОСТРЕЛ

окопка.ru

Олег Блоцкий
Самострел

«ЭКСМО»

2013

Блоцкий О. М.

Самострел / О. М. Блоцкий — «Эксмо», 2013

Трусость и предательство на войне, из-за которых погибали лучшие бойцы, – это моральное преступление, которое не прощается. Уж сколько лет прошло после Афгана, а бывший солдат все никак не может простить предательство своего сослуживца. Ищет его в мирной жизни, находит и вершит самосуд. Спокойно, как должное, делает то, что не смог сделать тогда, в Афгане. Справедливое возмездие вернулось к предателю из прошлого, настигло, словно давно остывшая пуля или поржавевший осколок гранаты. И все встало на свои места, и вновь воцарилась гармония и справедливость... Война никогда не отпускает тех, кто на ней побывал. Она всегда возвращается, довершая то, что живые или мертвые не успели сделать. И это та суровая правда, которую хочет донести до читателей автор книги, сам прошедший ад войны.

© Блоцкий О. М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Убийца	5
Письмо из дома	8
1	8
2	11
3	12
4	13
5	14
6	15
7	17
8	18
9	19
10.	21
11	23
12	25
13	26
14	27
Бахча	28
Богиня	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Блоцкий

Самострел

Убийца

Поздний вечер. Я неторопливо иду к его дому. Теперь я знаю точно, где он живет. Я хорошо изучил этот район. Сам город не интересуется меня. А если честно – я его ненавижу. Меня трясет от злобы, когда вижу эти дома, улицы, перекрестки. Я готов уничтожить их напрочь. Будь моя воля – превратил бы этот город в пыль. А все потому, что в нем живет он.

Но у меня нет атомной бомбы, снарядов объемного взрыва и даже обычного гранатомета... Ни напалма у меня нет, ни огнемета. Знакомые «братки» предлагали пистолет. Зачем? Просто пристрелить – это слишком легкая смерть. Она для него – подарок. Нет...

Я буду убивать его почти голыми руками. На Востоке это умеют делать медленно. Я тоже так... Пусть он от страха наложит себе в штаны... Потом сдохнет. Это я решил твердо. Еще тогда.

Поэтому в моем кармане лежит тоненькая удавка. Она как из парашютной стропы. Валеркин аксельбант – единственная память о друге. Валерка сплел его к дембелю, но так и не украсил им свою парадку. Я распустил аксель и из стропы соорудил подвижную петлю. Знаю – в нужный момент не подведет.

Бесшумно ступаю по асфальту. Мягкая тьма. Полутемные витрины магазинов. Навстречу – редкие прохожие. Но я спокоен. Я уверен: на меня – ноль внимания. Когда-то наш старлей говорил: «Чтобы стать незаметным, следует выйти на самое открытое место». Много времени прошло, прежде чем мы – салаги и сопляки – усекли эту великую истину.

Я спокойно иду к его дому. Не шарахаюсь из стороны в сторону, не оглядываюсь постоянно назад. Я обычный человек. И одежда на мне самая простая: кроссовки, джинсы, рубашка. Я не бросаюсь в глаза – нормальная прическа, ничем не примечательное лицо. На нем – скупающее выражение. А что мне волноваться? Все уже сто раз считано-пересчитано. Свидание состоится сегодня. Осечки быть не должно – интуиция. Может, двадцатое чувство. Не знаю. Но оно еще ни разу меня не подводило.

Все закончится в ближайшие часы.

Три дня я проторчал на чердаке соседнего дома. Уходил только на ночь. Я следил за его квартирой. Он был там. Вместе с женой. И с ребенком... Он единственный из них ни в чем не виноват. Жену его – сучку – тоже кончать не буду. По ней моя петелька ой как тоскует. Ведь именно эта шлюха помогла ему ускользнуть от нас. Это она помешала мне рассчитаться с ним еще в Афгане. А значит, из-за нее мне пришлось столько времени носить эту тяжесть в себе. Совесть моя была неспокойна... Что может быть страшнее невыполненного долга? Пусть даже Валерка об этом и не узнает. Но я-то жив!

Жив пока и этот, но сегодня ему никто не поможет. Здесь не кабульская инфекционка, до которой мне было не добраться.

Валерка погиб из-за него. Сделай этот шакал все так, как ему приказал Ким, мой друган остался бы жив. И Булька не валялся бы в госпитале с перебитыми ногами. Эта падаль побуждала потрошить вшивый дуكان. Знал же, гад, что духи в том кишлаке борзые и хитрые, но все повернул по-своему. И Валерку убили.

Только Ким помешал нам замесить эту чамару еще там. Старлей отогнал нас от него и сказал, что будет суд. Но комбриг суда не допустил. Полковнику звезда Героя падала – наши группы все время забивали большие караваны. Комбриг не хотел чепе, и дело замяли.

Но группа прощать Валерку и Бульку не собиралась. У нас свой суд... Долго мы эту падлу терпели, но после Хаджидарры решили – не жить ему. Первый же выход оказался бы для него последним. Вперед ногами в батальон бы приволокли.

Он это почувствовал. Нюхом учуял, волчара паршивый, и слинял. Грамотно закосил: мочи желтушной полбанки высосал и смылся побыстрее в заразку. А там дуру эту нашел.

И вот я перед домом. Хорошее место. Темное. Деревьев много – почти лес. Стена длинная, и гаражи стоят. Вот за ними я тебя и кончу. Никто не услышит. Никто не увидит. Никто не спасет.

На кухне у него горит свет. Что? Ждешь, дура? Ну жди, жди. Я понимаю: десять лет разницы – не сахар. Кому ты, страшная такая, здесь нужна? Даже он в гробу тебя видел, хоть ты от него и смерть отвела. Здесь он гуляет – тебя не стесняется. Ты за порог – он в дом бабу тащит. А в Кабуле, конечно, плакался, что любит тебя, что жить без тебя не может. Ты и развесила уши. А он тебе на них лапшу вешал. Тоннами. Он такой... Кого хочешь может уболтать. И тебя, глупую, он тоже обманул. А ты и поверила. Кому-то, видно, подмахнула передком, и его в роте охраны заразки оставили. Перевели, значит, от нас. Так вы почти сразу и поженились. А потом сюда сорвались. Это он тебя квартиру поменять подговорил. Боялся, сволочь, что мы адрес через строевую часть узнаем. Правильно сделал. Но и здесь ему не отлежаться. Нет ему за Валерку прощения!

Я сижу возле гаражей. Жду. Я умею ждать! На войне научился этому. Уметь ждать – целая наука. Горе тому, кто не знает ее. Тут главное – не перегореть раньше времени, не загнать себя разными глупыми мыслями. Правильно этот, как его там, Дзержинский, говорил: голова должна быть холодной. Если нет, то метаться начнешь и погубишь себя. Завалят тебя, как свинью.

Наш старлей, кореец по национальности, толковый был. «Каждый из вас должен стать барсом. Не зря мы работаем по ночам, – наставлял он нас, – вы должны бесшумно ходить, все замечать, а главное – вы должны научиться расслабляться».

Сила собирается, только когда очень расслабишься. А потом – неожиданный удар. Смертельный!

Вот я и сейчас расслаблен. Смотрю на дорогу. Она пуста. Но ничего, я подожду. Кто не умеет ждать – тот начинает дергаться. Так говорил Ким. Я с ним согласен. Я ждал эти шесть лет, пока делал запросы в военкоматы. Я писал, что потерял из виду своего боевого дружка. Разминулись в Афгане наши стежки-дорожки. В госпиталь он угодил. А теперь мне жизнь без него опостылела. Страсть как хочу увидеть его. И это было правдой!

В военкоматах с ответами медлили. Но я ждал. И этот счастливый миг наступил.

Клянусь, в тот день выдержка изменила мне. Руки дрожали. Читал ответ, и перед глазами прыгали слова. Из них складывались предложения: «На Ваш запрос сообщаем, что сержант запаса... (вот сволочь – сержантом стал!) проживает по адресу...» Что ж, именно по этому адресу я и пришел.

Перед поездкой был у Пашки. Пашка сейчас мент, работает в уголовке. Говорит, что жить спокойно не может и скоро блатные за борзость его прибьют. Пашка четкий мужик, и я, наверное, пойду в их ОМОН. Правильно говорит Пашка: всю сволоту надо стрелять, чтобы не мы их, а они нас боялись. По-хорошему они все равно не понимают.

Мы пили водку, вспоминали ребят и смотрели фотографии. На них был и Валерка. Каждый раз у меня давило сердце и молоточек постукивал в висках...

Кто поймет, что значил для меня Валерка? Он просто был, и этим все сказано. Все, что говорят по телевизору и пишут в газетах про войну в Афгане, – хренотень! Что они знают? Что понимают в этом? А все в душу лезут! «Последний глоток! Последний сухарь! Последний патрон для себя... Мужество... Верность долгу...»

С-с-сучары! Ни черта они не видели! Разве они брали караваны? Разве они были на облетах? Разве они ползали по горкам? Разве это их мочили душары в узком ущелье Спиндак, где погиб Ким?

Вот Высоцкий – мужик. Когда слышу его песню, где один парень просит другого оставить покурить, – плачу. Я тоже не мог поверить, что Валерку убили. Все время думал, что он где-то рядом стоит. Оборачиваюсь, а его нигде нет. Но чувство такое, что он близко-близко, только я его не вижу. А эти? Никогда они не поймут наших отношений. Для этого под смертью надо ходить. Долго, очень долго.

Я вздрагиваю. Слышен шум шагов. Я делаю резкие движения руками. Сжимаю, разжимаю пальцы. Напрягаю и расслабляю мышцы ног. Я готов! Я вижу его и знаю, что надо делать. Он идет, насвистывает и руки держит в карманах. Это хорошо. Меньше возни. Я выхожу на тротуар.

Даже ночью вижу, как он побледнел. Но крикнуть он не успевает. Я вырубая его, вскидываю на плечи и иду за гаражи.

Через час с небольшим все было кончено. Я ослаблял петлю. Затем все начиналось сначала. В конце концов я его задушил. Нить врезалась в кожу медленно. Он хрипел. Потом хлынула кровь: из носа, рта, ушей. Хрустнула шея. Конец.

Я повернул в обратный путь. Я шел и думал – заметут меня или нет. Отсчитывал время назад. Запросы посылал под другим именем и на совершенно левый адрес. Удавку забрал. Афган никто не вспомнит. При чем здесь он? Даже если эта дуреха что-то знает – она ничего говорить не будет. Она не малолетка и прекрасно понимает, что мы шутить не станем. Впрочем, ментам и без нас дел хватает.

Пашка рассказывал интересную вещь. Оказывается, их шеф по пьянке раскололся про дела, которые начались в конце пятидесятых и шли все шестидесятые годы. Тогда сыскари ничего в толк взять не могли. Людей вокруг убивали грамотно, но как-то бестолково. Деньги не брали, вещи тоже. Уголовка с ног сбилась. А потом менты поняли одну вещь. Все покойники – бывшие фронтовики. Кто-то из них книжонку выпустил, а кто-то по радио стал выступать: рассказывать народу, как он героически в атаку ходил. Вот их, этих псевдогероев, и вычислили. Видно, на той войне тоже дела крутые были, одни кровь проливали, другие шкурничали...

Уголовка такие убийства почти никогда не раскрывала.

Я понимаю – почему. Потяни мужиков – и они такое бы про некоторых героев рассказали, что им бы памятники сразу снесли. У нас тоже есть такие. Но пусть их другие отлавливают. Я свое дело сделал. И я спокоен. Тот червяк, который грыз меня все это время изнутри, подох вместе с этим уродом...

Утро. День обещает быть ярким, солнечным и теплым. На вокзале не протолкнуться. Я сажусь в пригородную электричку. В ней доберусь до другого города. А оттуда рвану на поезде домой. Конечно, отсюда можно и напрямую. Но я – не дурак...

Письмо из дома

1

Обязательный сон после обеда закончился, и солдаты, вспотевшие, вялые, всклокоченные, не выспавшиеся, а лишь одуревшие от двух часов, проведенных в парилках-кубриках, медленно вползали в курилку.

Батальонные почтальоны, подгоняемые нетерпеливыми товарищами, торопились в клуб. Там киномеханик и одновременно главный почтальон полка уже раскидал по литерам письма, газеты и журналы, уложив их разными по высоте стопками на длинный деревянный стеллаж.

Солдаты терпеливо сидели под маскировочной сетью. На них пятнами ложился солнечный свет. Пехотинцы густо кропили плевками спрессованную, жесткую землю и гадали – будут им письма или нет.

Наконец появлялся Юрка Свиридов. Разговоры обрывались. Все вытягивали шеи и наперебой спрашивали о письмах. Свиридов оставался, как всегда, непреклонен и традиции не изменял. Сохраняя строгое выражение лица, Юрка доставал пачку писем, как опытный оратор выдерживал паузу – томил немножко товарищей, а затем принимался за дело.

Почтальон громко выкрикивал фамилии. Названные протискивались к нему. Перед тем как вручить письмо счастливчику, Юрка проделывал особый ритуал, который неизвестно кем и когда был заведен в полку, но чрезвычайно строго соблюдался во всех подразделениях.

С салабонами почтальон не церемонился. Юрка слегка надрывал конверт, надувал его и укладывал на ладонь. Дух быстренько разворачивался к Свиридову спиной и слегка пригибался. Юрка с размаху лепил ладонью по шее молодому. Конверт хлопал и разрывался. Дух тряс головой и смеялся вместе со всеми, получая заветное письмо. Такие шлепки по холке обрабатывались только на молодых, и называлось это – вскрыть конверт.

Остальных, кто был сроком службы старше, Свиридов бил письмами по носу. Количество ударов зависело от их числа. Но лупил Юрка с разбором.

«Чижам» доставалось больше всего. Юрка, прикусывая кончик языка, отступал на полшага и заносил мускулистую руку высоко вверх. Удар выходил замечательный: хлесткий, резкий и по самому кончику носа.

«Гансов» Свиридов бил слегка.

Ну, а «дедушек» – золотой фонд Советской Армии – почтальон выделял особо. Он делал зверское лицо, дико вращал зелеными глазами, отставляя локоть назад, но конверт в итоге лишь едва прикасался к облупленным носам.

Весь ритуал был отработан до мелочей и доставлял неописуемое удовольствие всем, ибо роли в таком представлении постоянно менялись.

Правда, «чижа» Савельева никто перещеголять не мог. Однажды он получил целых семнадцать писем. «Почтовик» из-за плохой погоды долго не ходил, а девушка оказалась очень верной. Как увидел Савельев толстую пачку писем – обрадовался, а потом от ухмылок друзей стал зеленее маскировочной сети. Счастливчик еще недели две ходил с опухшим и сизым носом...

Николай Нефедов тоже был на особом положении. Но на таком, что и врагу не пожелаешь. Больше трех месяцев не было ему писем. Ребята, таясь друг от друга, подходили к Николаю и сочувственно клали руку на плечо: «Не переживай, Нефед. Почта херово работает». Неразговорчивый Нефедов резко двигал плечом. Рука летела вниз, а Николай разворачивался и молча уходил.

Новогодними хлопушками на шеях молодых разрывались конверты. «Чижи» притворно хихикали, жмуря глаза, когда крепкая, с наколкой у предплечья рука почтальона сглаживала им носы. «Дедушки» лениво, вразвалочку, не вынимая сигарет из ртов, подходили к Свиридову. Только Нефедов изо дня в день оставался на месте. И был он, по сути дела, лишь постоянным свидетелем чужого счастья.

Письма постепенно расходились по тесной курилке. Конверты распускались белыми цветами и трепетали в загорелых и сильных солдатских руках. Почтарь переводил дыхание, стараясь не встречаться взглядом с Нефедовым. Тот исподлобья смотрел на Свиридова, и в светлых, почти янтарных глазах была мольба.

Почтальона начинала пожирать совесть: будто это он, Свиридов, во всем виноват. Юрка смущенно улыбался и едва заметно отрицательно качал головой. Ну, не было писем Нефеду, хоть садись и сам пиши...

Нефедов медленно выходил из курилки и шел за модуль, откуда хорошо был виден далекий аэродром.

Он садился на огромный валун, прятал подбородок в коленях и застывал, глядя вдаль. Там, за широкой серебристой чашобой деревьев, которая в это время дня походила на необъятное блестящее озеро, была невидимая солдату пропелшина – аэродром.

Аэродром жил интересной и нервной жизнью: уходили в небо стаи быстрых и юрких «грачей»; парами и четверками рвали небо лопастями «крокодилы»; брал курс на Кабул роковой «черный тюльпан». Все это было для Нефедова давно привычным и не заслуживающим никакого внимания. Он терпеливо выжидал единственный нужный ему самолет.

Тени становились длиннее. А Нефедову казалось, что время замерло и «почтовика» уже не будет. Но самолетик все-таки появлялся. Маленькая серебристая капелька, словно ртуть, созревала в выцветшем небе, медленно приближаясь к аэродрому. Потом, обретя очертания, самолетик кружился над ним, выбрасывая в стороны яркие звездочки. Те на мгновение вспыхивали, исчезая. Белые перевернутые пушистые запятыя усеивали небо. Затем «почтовик» внезапно начинал стремительно падать вниз по спирали, все увеличиваясь в размерах и меняя серебристый цвет на зеленый.

Нефедов сжимался и как заколдованный следил за зеленым крестиком.

Только в двух случаях безошибочно определил Николай, что почты не будет не только ему, но и никому вообще. В первый – капелька, точно перегорающая лампочка, ослепительно вспыхнула и... исчезла. Вместо нее появилось небольшое плотное голубоватое облако, которое очень скоро рассеял ветер. Во второй – после того, как самолет утонул в блестящем блюде озера, поднялся с его дна темный черный пузырь, и докатилось до солдата негромкое эхо далекого взрыва.

Все остальное время, если солнце не закрывали тучи, самолет благополучно приземлялся. Тогда на следующий день после утреннего развода полка отходил от штаба «почтовый» бронетранспортер.

И так изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц.

Прилетал самолет, пылил по дороге бэтэр, краснели, опухая, носы у «чижей», а писем Нефедову все не было. Ребята стали замечать, как почти каждый вечер Николай, сгорбившись, в одиночку тянет «косяк» за модулем, запивая глубокие затяжки холодной водой из обшарпанного, помятого котелка.

Однажды Свиридов закончил на удивление быстро экзекуцию с раздачей писем, окликнул безучастного ко всему Нефедова и отозвал его в сторонку:

– Пойдем-ка, Колян.

Они зашли за казарму, и почтальон достал из кармана конверт.

– Письмо тебе тут, – пробормотал, пряча глаза, Юрка. – Бери. Я не стал... при всех.

Николай взял конверт, подписанный большими печатными буквами. Вверху аккуратно выведено: «Николаю Нефедову», внизу – адрес обратный: «Петр Нефедов». Братишка учился во втором классе и с буквами окончательно совладать не мог.

Нефедов сел на шершавый заветный валун и надорвал конверт. Тщательно выведенные слова на кривоватых ножках старались ровненько выстроиться друг за дружкой, но не всегда у них это получалось.

«СДРАСТУЙ НИКОЛАЙ. ПИШЕТ БРАТ ПЕТЯ. КАК ТЫ ЖЕВЕЖ? МЫ ЖЕВЕМ ПЛОХА. МАМКА В БАЛЬНИЦИ. У НЕЙ ПАЛАМАЛАС НАГА И РУКА. ПРИШОЛ ПИЯНЫ ПАПКА ХАТЕЛ НАС УБИТ ТАПАРОМ. МЫ ЗАКРЫЛИ ДВЕРЬ. ОН ИЕ РУБИЛ. МЫ ПРЫГНУЛИ В АКНО. Я ЖЕВ У ТЕТИ РИМЫ. АНА МАМКИНА ВРАЧИХА. МАМКА ПЛАЧИТ. МЫ НИ ЗНАИМ КТЕ ЖИТ. ПАПКА ХОДЕТ ПИЯНЫ ПА ДЕРЕВНИ И ГАВАРИТ ВСЕМ ШТО НАС УБЕТ. КОЛЯ ПРИХАДИ БЫСТРА ИЗ АРМИИ. НАМ БИЗ ТИБЯ СТРАШНА. МАМКА ГАВАРИТ ЕСЛИ БЫЛ КОЛЯ МЫ БЫ ЖИЛИ ХАРАШО. ТЕТА РИМА ХАТЕЛА ПАСЫЛАТ ПИСМО ТВАИМУ КАМАНДИРУ. МАМКА ОЧЕН ПЛАКАЛА ГАВАРИЛА НЕ НАДА. КОЛЯ НИ ГАВАРИ МАМКИ ПРА МАЕ ПИСМО. МИ ТИБЯ КРЕПКА ЛЮБИМ И ЖДИОМ. ДАСВИДАНЯ. ТВОИ МЛАДШИ БРАТ ПЕТР НЕФЕДОВ. МНЕ ВСЕ ЗАВИДУЯТ ШТО ТЫ В АВКАНЕСТАНИ. КОЛЯ ПРИВАЗИ СВОИ ПУЛИМЕД. Я ПАКАЖУ ИГО САНЬКИ И ФЕТЬКИ. ОНЕ ГАВАРЯД ШТО Я БРИШУ И У ТИБЯ ИГО НЕТ. А ИСЧО МЫ ЗАСТРЕЛИМ ПАПКУ ЗА ТО ШТО ОН БЬЕТ МАМКУ».

Нефедов спрятал письмо в нагрудный карман и достал полупустую, рассыпавшуюся сигарету.

Высоко в небе медленно плыла крохотная жемчужина.

Солдат поднял на нее глаза и глубоко затаился. Жемчужина растворялась, теряясь в расплывающемся небе. Николай Нефедов прыгнул с валуна и побежал по каменистой дороге за длинные металлические склады, бросился в заброшенный расплывшийся окоп. Сжался в комок и... заплакал. Слезы хлынули ручьями, и остановить их Нефедов не мог.

2

...В волосатой сильной руке черной змеей извивается ремень. Рука размеренно ходит вверх-вниз. Стальная блестящая пряжка терзает тело, оставляя красные квадратики, которые потом превращаются в багровые кровоподтеки.

Голова маленького Кольки зажата отцовскими коленями, штанишки спущены, а рубашонка сбилась у вздрагивающих, острых лопаток.

Колька обхватил ноги отца, дергает худеньким тельцем и молча кусает пальцы.

«Заплачешь! Я га-ва-рю – заплачешь, – все больше распаляется пьяный отец и сечет сына с каждым ударом сильнее. – Эт-та на батю волком зыркать!? Щ-щенок со-п-пливый! Я га-ва-рю – заплачешь!»

Колька разжимал ручонки, сползал на пол, терял сознание и закатывал сухие глаза.

3

...Заветной мечтой матери был цветной телевизор. Она тянулась изо всех сил, горбатилась на двух работах, складывала копейку к копейке, рубль к рублю. Стал подрабатывать Николай, и тоже часть денег откладывалась на телевизор. Даже Петька не остался в стороне от такого большого дела. Он приходил из школы, где учился в подготовительном классе, и тайком вкладывал в руку брата десять монеток, которые мама давала ему на пирожок с повидлом. Николай ругал Петьку, но тот в упрямстве не уступал брату. Малыш начинал кусать губы, опускал голову и только шептал: «Ко-о-оль, возьми. Ну, возьми, Коль. Это же на телевизор цветной!»

Когда отца не было дома, мать иногда доставала из потайного места деньги, завернутые в тряпицу и уложенные в жестяную баночку. Пестрая полоса вытягивалась на столе. Втроем они стояли вдоль нее и мечтали, как пойдут в магазин и купят телевизор. Даже не такой, как у Верки Низовой, а больше размером.

Деньги отец после долгих розысков нашел, исчез из дома на неделю и все до копейки пропил. Сельчане видели его в районном центре, в привокзальном ресторане. Пьяный, он заказывал водку и наливал всем желающим. Пустые бутылки катились по полу, а в тарелки с едой одуревший от водки и куража Нефедов втыкал окурки от папирос... Со стороны казалось, что на столе замерло несколько причудливых ежиков.

Нефедов в кураже рвал деньги из кармана: «Уг-г-гощаю, мужики!» На пол пересохшими листьями опускались купюры. На них забулдыга демонстративно не обращал никакого внимания.

Заплаканная и растрепанная мать не находила места: все валилось из рук. Николай, чтобы унять нервную дрожь, занимался тяжелой мужской работой по дому, а Петька ходил за ним хвостиком и все никак не мог поверить: «Ко-о-оль! Мои денежки он тоже забрал?»

Эти случаи снились солдату Николаю Нефедову почти каждую ночь...

4

– Почему, почему... Такой парень... Такой... Серега! – скрипел зубами Марат Ахмеджанов и, захлебываясь, проливая на гимнастерку, глотал темную брагу прямо из котелка.

Нефедов сидел рядом с пьяным, растерянным другом, курил и молчал.

Серега погиб... Гроб с сопровождающим отправили вчера в Союз.

Они все трое были из одной учебной роты. В Афган попали в один взвод, что было случаем почти невиданным.

– Почему Серега? Ерсендин, сволочь, живой. В Союзе тащится, а Серега мертвый! Как так? – все спрашивал Марат и вопросительно смотрел на Нефедова.

– Наверное, потому, что был нормальным мужиком, – отвечал Нефедов. – За нас не прятался, всегда вперед шел. Трус и гад не погибает...

Ахмеджанов закрыл лицо руками и запричитал что-то на своем языке.

Нефедов обнял друга.

– Не надо, Марат. Успокойся... Мы должны быть сильными, чтобы выжить.

5

Солдат курил и смотрел на шершавую стену окопа. По ней упорно лез вверх крохотный паучишко. Путь был долгим и непростым, но паучок добрался до цели, исчез за бруствером.

Нефедов выкурил еще сигарету, растер лицо руками, выбрался из окопа и побрел обратно в казарму, цепляясь ногами за камни.

Солнце укрылось в горах. Серебристое озеро стало темно-зеленым.

– Нефедов, поди-ка сюда, – взводный старший лейтенант Чижов стоял возле модуля, широко расставив ноги, и указательным пальцем манил подчиненного.

Солдат приблизился к старшему лейтенанту. Тот подозрительно посмотрел на опухшее лицо и красноватые глаза Нефедова.

– Косячок долбил?

– Нет.

– Не свисти. Зрачок покажи.

Рядовой пальцем оттянул щеку вниз.

Вперед-назад маятником качнулся Чижов. Разочарованно хмыкнул:

– Смотри. Все зубы посчитаю. Ты у меня давно на примете, – взводный для острастки ткнул напряженным пальцем в солдатскую грудь.

Большая алюминиевая пуговица пребольно ужалила своим полукруглым зубом Нефедова.

Солдат развернулся и молча пошел в казарму.

– Постой, – окликнул его опешивший от такой покорности Чижов. – Может, случилось чего? Заболел, или все еще писем нет? Говорят, не пишут тебе?

– Дома все хорошо, товарищ старший лейтенант. Письма часто приходят. Вам неправильно доложили.

6

В деревне тайны хранить невозможно. Но на расспросы учителей: все ли в порядке дома – Колька Нефедов, взъерошенный и конопатый, не моргнув глазом, лишь заливаясь предательским румянцем во все щеки, отвечал, что все в порядке.

А дома было страшно. Пьяная матерщина отца, звон битой посуды, треск разрываемой материи, топот ног, стулья с задранными вверх ногами и Колька, намертво вцепившийся в мятую штанину отца, защищая мать с крохотным Петькой на руках.

В девятом классе в расстановке семейных сил произошел перелом: Нефедов-средний взял власть в свои руки.

Отец к этому времени окончательно спивался. Он высох, голос стал сиплым, будто ходил отец постоянно простуженным. Но пьяный боевой задор не иссякал. Как-то в очередной раз он поднял руку на жену. В это время в дом вошел Николай. Он подлетел к отцу, схватил его за рубаху и швырнул на пол. Глава семьи бросился на сына, но врезался головой в мальчишеский кулак и вновь впечатался спиной в скрипучие доски.

Нефедов-старший разбросал руки в стороны, захватил пальцами домотканый грубый половик и заплакал пьяными слезами от злобы и бессилия.

Николай ногой потянул ткань на себя, расправляя, и четко произнес, будто отпиленный кругляк одним ударом топора на две части расколол:

– Еще раз маму тронешь, убью. За тебя такого мне мало дадут. Зато мать с Петькой жить спокойно станут.

Отец съежился. Злобно сверкнули маленькие глазки, но промолчал.

Пить не прекратил, издеваться над семьей тоже, но делал это теперь подло, украдкой, за спиной у сына.

Николай подступал к заплаканной матери с расспросами. Та отмалчивалась, отрицательно качала головой и быстро смахивала ладонью слезинки.

Сын бросился к отцу.

– Што я? – возмутился тот. – Што я? Ну выпил с мужиками. Выпил, и все. У матери своей спрашивай, што она с кислой мордой ходит. А меня не замай.

Возле военкомата слезы безостановочно катились по опухшему материнскому лицу. Отец равнодушно курил и хрипло отхаркивался. Наверное, ошметки легких летели на землю. Петька обеими руками держался за широкую ладонь брата, хмурил светлые бровки и едва сдерживал слезы.

Нестройно оркестр от местного клуба заиграл «Прощание славянки».

Запричитали во весь голос женщины, и мать вместе с ними. Петька запрокинул голову, посмотрел на нее и тоже тоненько заскулил.

Нефедов взял отца за руку.

– Не угомонишься, приду из армии – за все рассчитаюсь, за каждую их слезиночку.

– Я што? Все будет нормалек. Служи, сына.

Глаза отца забегали по сторонам, а сам он полез целоваться к Николаю, широко распахивая слюнявый рот.

Нефедов, отстраняясь, пожал его руку и обнял мать. Частые трещинки морщинок густо разбежались вокруг глаз. Николай, стесняясь окружающих, поцеловал ее мокрую щеку и повернулся к братишке. Подбросил его вверх, поймал, прижал к груди на мгновение и, опуская на землю, шепнул: «Мамке помогай. Теперь ты за главного. Не расстраивай ее».

Петька затряс головой и еще сильнее заплакал.

Из кузова грузовика видел Нефедов, как в пестрой толпе плачет мать, утирая глаза уголком платка, и как машет ему рукой Петька, устремляясь за машиной.

А за матерью мелькал пьяненький отец, и злобная ухмылка прыгала у него на губах.

7

В боевых наступила передышка. Для Нефедова это было страшнее всего. Наряды по роте, караулы, дежурное подразделение по столовой не заполняли все время целиком. Николай вновь и вновь доставал из внутреннего кармана гимнастерки письмо.

Выросший в пьяной российской глубинке, знал солдат не понаслышке великое множество трагических историй, где виной всему была водка.

Судьба семьи Нефедова была не исключением, а нормальной обыденностью в полупьяном существовании их деревни, которая то и дело приходила в оцепенение от трагических событий, а большое кладбище у озера постоянно вздувалось свежими холмиками могил.

Слабыми и одинокими виделись солдату мама с братишкой. Помочь им издалека он был не в состоянии. И в Союз, домой, пусть на пару денечков, поехать Нефедов тоже никак не мог. Не положен был солдату отпуск из Афгана. Хоть ста душманам горло зубами перегрызи, хоть три банды в одиночку уничтожь – все равно никакого отпуска.

Солдат в Афгане мог поехать на Родину лишь в тот краткосрочный отпуск, который назывался «по семейным обстоятельствам» и означал недолгий путь от порога дома до местного кладбища вслед за гробом кого-либо из самых близких. Впрочем, частенько случалось, что пока весть докатится до отдаленной горной заставы, пока солдат доберется домой – сорок дней отмечали.

Именно такого известия и страшился Нефедов. Мысли пожирали душу, во всем была безысходность. Такая, как на боевых, когда духи режут подразделение перекрестным огнем, лупят из «граников», уничтожают безжалостно, и лишь земля спасает. Если зарыться, забиться в нее плотнее. Разумом от безнадежности положения можно тронуться... Кто выручит...

Солдату Нефедову ждать помощи было не от кого. Кого он мог попросить защитить мать с братишкой от родного отца... Кто в это поверит...

Дни тянулись медленно. Дурманящее забытье становилось все короче, и даже тогда мысли о матери с братишкой не оставляли солдата в покое.

8

В длинном деревянном туалете раздался хлопок. Солдаты, стоявшие поблизости, подались туда, но в проеме уже стоял побледневший Нефедов, держа левую руку, перемотанную тряпкой, на весу.

Кровь каплями стекала на землю.

Солдат виновато взглянул на ребят, стоящих полукругом, и постарался улыбнуться:

– Запал в руке рванул. Даже сам не знаю как. В карман полез, а там запал...

Солдаты отпрянули от него, как от больного желтухой, а Нефедов побрел в санчасть, удерживая здоровой рукой набухавшую багровую тряпку.

На плацу Николая заметил старший лейтенант Чижов, спросил:

– Что случилось? Что?

– Да запал... в руке... пальцы оторвало, – бледный Нефедов говорил тихо и в глаза офицеру старался не смотреть.

У Чигова исказилось лицо.

– Как так? Как это произошло?

Солдат молчал. Кровь заливала ему рукав.

– С-сука поганая! Гнида! Закосить решил? Домой к мамочке с папочкой захотел? Как ты мог? Ведь я верил тебе! – Чижов с разворота, хлестко рубанул кулаком солдату в подбородок.

Нефедов свалился на щебенку. Тряпка полетела в сторону. Солдат вскрикнул, и Чижов увидел окровавленную, рваную ладонь с двумя оставшимися живыми пальцами.

Николай медленно встал и начал обматывать руку. Чижов подлетел к нему, выдал крепкого пинка в костлявый зад и заорал, трясясь от бешенства:

– Бегом марш! В санчасть! Бегом! Сволочь! Я кому сказал!

Нефедов затрусил в указанном направлении, а взводный дрожащими сбитыми пальцами ловил сигарету в пачке, смотрел ему вслед и отчаянно матерился.

9

Известие о том, что Нефедов решил откосить от последних полгода службы, потрясло взвод. Не могли поверить... К примеру, если бы им объявили, что на обед они сегодня получают наваристый, красный домашний борщ с островком свежей белой сметаны, жареные грибочки, а вместо желтоватой жидкости, именуемой компотом, стакан водки да крепкий соленый огурец в придачу, поверили бы? Никогда...

Нефедов... Нормальный солдат... Зачем ему...

После унылого, постного, отвратительного обеда солдаты не отправились спать, а забились в курилку. Подобный добровольный отказ от законного отдыха был для них делом почти невиданным.

Места всем не хватило, и многие сели на землю, опираясь спинами о колени товарищей.

Солдаты говорили наперебой, пытаясь найти ту причину, которая подтолкнула Нефедова на такое. Говорили и о самом Николае. Вспоминали разное, но припомнить плохое не могли. Однако в итоге сошлись на одном: «Сломался парень».

Сказали об этом с сожалением, но жестко. Такого предательства, тем более от Нефедова, взвод понять и простить не мог. Лишь один Ахмеджанов бился за друга из последних сил:

– Не мог он испугаться, мужики, – горячился Марат и взглядом прожигал ребят. – Не трус он. Вспомните, когда мы душарами только-только сюда попали, а деда заставил нас вместо себя сортир поганый зубными щетками до белизны шлифовать. Кто с ними схватился? Только Нефед! Мы все доски скребем, на коленях по дерьму ползаем, головы поднять боимся, а Кольку по сортиру ногами катают. Разве Нефед только из-за себя в драку полез? Он и о нас думал. Дембелей четверо было. Нас – в пять раз больше, и никто за Нефеду не подписался. Только потом мы тайком, чтобы дембеля не видели, поодиночке к нему подбегали. Нефед не трус. Сейчас вы все злые на него! И я злой. Но не верю, что он сдрейфил. Я не верю! – почти выкрикнул последние слова Марат и юлой завертелся на месте, жадно ощупывая глазами лица товарищей и надеясь хоть в ком-то найти понимание и поддержку. Но вокруг – холод и отчуждение.

– Он не верит, – насмешливо сказал солдат с приплюснутым носом и шевельнул огромными плечами.

Звали здоровяка Степан. Был он родом с Западной Украины и кличку имел во взводе соответствующую – Бандера.

– Ты Ерсендина вспомни! Тоже смелый был. Полгода вместе с нами по горам ползал. Ему лычки кинули, комодом сделали, а потом – крак, – Бандера двинул ручищами, будто переламывал палку, – и сломался. Вспомни, как он первый раз желтухой заболел! Мы жалели его: виноград и арбузы с боевых тасили, пупки надрывали, полмешка чая духовского ему в госпиталь передали. А он только вылечился, побыл немного в роте и снова в инфекцию загремел. Потом еще два раза болел. Его комиссовали и в Союз отправили. Только через месяц мы узнали, что он у своего земляка-фельдшера желтушную мочу в баночках за тридцать чеков покупал и пил ее, падла.

– Во козел, – вклинился в монолог украинца вечно взъерошенный Валерка Ступар и смачно плюнул на землю. Своему земле – и продавать мочу.

Ступар еще раз сплюнул, тем самым демонстрируя свое полное презрение к Ерсендину.

– Что, не было такого? – наступал на Ахмеджанова Бандера, и ветераны взвода качали согласно головами. – Кто знает, может, Нефед замкнул после того, как Сереге пулями черепок разнесло, а его мозгами Нефеду всю морду залило? Может, Нефед после этого сказал себе: «В горы – ни за что». Сам видел, какой он последнее время был, наверняка думал, как закосить. Вот и додумался. Нефед выйдет из санчасти – я первый ему в морду плюну.

Бандера давно вскочил с места. Он тяжело дышал, сжимал кулаки, и никто из ребят не сомневался, что так оно и будет.

– Ты вспомни, каким Нефед бешеным стал, когда Серегу убили. Пулемет перезарядил, из ямы выскочил и в полный рост на духов погнал. Стреляет по точке и бежит на нее, не сворачивая. Даже Чиж сказал потом Нефеду, что если бы не его состояние... эта... как его... эффекта...

– Аффекта, придурок, – поправил Ахмеджанова самый грамотный в подразделении москвич Игорь Горюнов.

– Именно с аффекта у него все и началось, – глубокомысленно заметил Горюнов. – Когда убили Серегу, у Нефеда нарушилось психологическое равновесие. А когда он на духов побежал, то это у него стресс нервный был. Это болезнь такая, только психическая.

– Сам ты психический! – обиделся за друга Марат.

– А ты не видел, каким Нефед последние месяцы бродил? Все от него – стресса.

– Это оттого, что ему писем не было. Вы сами знаете, что значит письма долго не получать. Вот...

– И что, надо сразу шлангом прикидываться? – зло перебил Ахмеджанова Ступар. – Я вон какое письмо от бабы получил, и то ничего...

Пару месяцев назад Ступар получил письмо от невесты, как он ее официально именовал, где она сообщала Валерке, что выходит замуж. Видимо, просто сообщение девушку не удовлетворило. И ее новый суженый, изучив, наверное, все непристойные надписи в общественных мужских туалетах, полностью наспиговал ими письмо. А девица аккуратно приписала: «И пусть тебя в твоём Афгане убьют, чтобы ты домой не вернулся».

Ступар после такого нежного девичьего послания полез в петлю, сделанную из брючного ремня. Но ребята о письме знали, цепко следили за неудачливым влюбленным и от самоубийства спасли в самую последнюю минуту.

Ступар всхлипывал, тряся телом, и его долго отпаивали самогоном, купленным у вольнонаемных. А потом он в одночасье посуровел и дал клятву, что придет из армии – козла с бабой избыет и в течение месяца, кровь из носу, но испортит пятерых девчонок. На что Горюнов – большой авторитет по женскому вопросу в роте – посоветовал тому на гражданке голову не ломать и невинных девочек не искать, нет их. Разве что в школе, в начальных классах...

– Что вы все письма, стрессы, эффекты, – продолжал злиться Бандера, – в морду Нефеду, и все. А в Союз поедет, так дать ему самую чмошную, рваную парадку. Пусть катится!

Такого нечеловеческого унижения Ахмеджанов вынести не смог.

– Это ты покатишься, – закричал худенький Марат и замахал кулачками перед лицом огромного Степана.

И быть бы татарину битым, если бы не Свиридов.

Юрка вбежал в курилку, увидел ребят и моментально все понял.

– За Кольку Нефеда буча?

– А то, – подтвердил Ступар, с интересом глядя на Бандеру и Ахмеджанова, которые стояли друг против друга с перекошенными от злости лицами.

– Погодите рыльники чистить, – сказал Свиридов. – Я вам сейчас письмо прочитаю. Мне его только-только пацан из санчасти притаранил. Письмо в Колькином хэбчике лежало, как я и думал.

Взвод разом перевел взгляды на почтальона.

Свиридов развернул истертый листок. И стал читать Петькины каракули...

10.

– Вот так-то, мужики, – спрятал конверт в карман Свиридов.

– Я говорил, говорил, что Нефед не трус! – радостно завизжал Ахмеджанов и бросился обнимать Юрку. – Молодец, Свирид! Молодец! Видите, как оно все выходит, – Нефед не падла! Я всегда это знал! – скакал перед ребятами радостный Марат.

Глядя на него, солдаты тоже начали улыбаться.

– Ай, как плоха, – внезапно сказал якут Пантелеймон Никифоров, и его большое, круглое, как сковорода, лицо страдальчески сморщилось.

Марат перестал выкидывать коленца и вместе с остальными посмотрел на маленького якута.

– Ай, плоха, – повторил Никифоров и закачал головой. – Водка плохая, злая. У нас тоже пьют. Ай, как пьют! Батя пьет, мамка пьет, братья пьют. Все пьют. Когда пьяный – дурной: песца – бери, белку – бери, соболь – тоже бери. Водку давай. Нет жизни без водки. Ай, нехорошо! – закончил Пантелеймон, и его щелочки-глазки совершенно исчезли, превратившись в две черненькие полоски.

– Нехорошо, нехорошо, – передразнил Никифорова Ступар. – Сам небось вернешься и тоже водяру хлестать будешь?

– Буду, – уныло согласился Пантелеймон и виновато съежился.

– Что так? – поинтересовался Горюнов.

– Все пьют, и я должен. Если не буду, значит, не такой, чужой, – ответил стыдливо якут. Каждый во взводе про себя пожалел Пантелеймона.

Был Никифоров на вид невзрачным. Но на самом деле якут удивлял всех своей выносливостью, силой и цепкостью. А снайперская винтовка будто была продолжением Пантелеймона, потому что с малых лет охотился якут. И духов щелкал Никифоров, как рыженьких пушистых белок в тайге.

Убивал Пантелей спокойно и наверняка: с первого выстрела и в переносицу. Поэтому приклад его винтовки был густо усыпан частыми рубчиками насечек.

За это сильно уважали якута ребята, а любили за мягкость и доброту. Пантелеймон последние деньги готов был отдать, последний кусок хлеба, если видел, что это кому-то надо больше, чем ему.

Ребята искоса поглядывали на понурого Пантелеймона и молчали.

– Жалка, – не выдержал Никифоров, страдальчески морща лицо. – Плоха, когда батя пьет. Нефеда жалка. Мамку, братишку его жалка.

– Жалко у пчелки, а пчелка на елке, – сказал хмуро Ступар и спросил: – Что делать-то будем?

– Что? Что? – передразнил Бандера. – В дорогу надо собирать Нефеда. Из санчасти мужика выпишут и в Союз отправят. А у него и формы толковой нет. Как он поедет?

– А вдруг Кольку в дисбат? – спросил Ступар, но на него так закричали ребята, что Валерка и не рад был, что задал подобный вопрос.

– Идиот, – сказал Горюнов. – Нефед с медалью. Если медаль есть, то не сажают.

– Я Нефеду свои сапоги отдам, – вроде бы безразлично сказал Бандера. – У нас нога одинаковая. А я себе еще достану.

Все ахнули. Сапоги у Степана были потрясные. Полгода он рыскал в поисках и наконец с помощью земляка купил в десантном полку сапоги со шнурками по бокам.

Бандера долго колдовал над ними: набивал каблучки и стачивал затем их под углом; распарывал яловую кожу и вновь сшивал; ладил внутрь вставочки; тщательно, с великим усердием полировал всю поверхность, и от этого они казались хромовыми. Сапоги вышли ладные.

Иногда Степан их доставал просто так и ставил на стол. Сам небрежно садился рядом, закуривал и слушал, как все вокруг восхищаются сапогами. А они, иссиня-черные, стояли, как две бутылочки, на обшарпанном столе и бросали в ребят веселых солнечных зайчиков.

Довольный Степан улыбался и видел, наверное, себя в этих сапогах, шагающим по родному селу.

Сельчане прикладывают козырьком ладони ко лбу, стараясь разглядеть солдата. «О! То Ывана Мытро сын пойшов!»

Девушки во все глаза смотрят на Степана, удивленно окидывая его необычную форму с медалью на груди. Женщины выходят из калитки. Улыбаются. «Добрый дэнь, Стэпан! Ой, мами радисть! Якый ты стал, Стэпан! Иды швидче по дому, Стэпан! Там мамо все очи прорывилась!»

А малышня стремглав мчится по улице, и звонкие голосочки, как колокольчики: «Стэпан Мытро з армии вэрнувся! Баба Ганка, ваш Стэпан до дому идэ!»

Степан Митро медленно, важно шагает по утопающей в зелени родной улице, что не раз снилась ему в Афгане, и сапоги весело поскрипывают: «Скрип-скрип! Скрип-скрип!»

Эх, сапоги, сапоги! Сапоги со шнурочками! Сколько раз вы оттягивали черную печаль от солдатского сердца! Сколько раз вы безмолвно убеждали Степана, что придет день и вы понесете его, как сапоги-скороходы, к родному селу, в отчий дом!

– Сапоги хорошие! Нефед обрадуется. Я себе другие сделаю, – убеждал друзей прижимистый Степан.

Ребята кивали Бандере, но знали, что таких роскошных сапог у него уже не будет.

– Я Кольке свой хэбчик экспериментальный отдам, – быстро сказал Ступар, видимо, испытывая внутреннюю неловкость за упомянутый дисбат. – А еще ремень белый.

Подобные ремни в Афгане были редкостью необычайной, и для солдата, возвращающегося в Союз, не было большего шика, нежели опоясаться таким вот ремнем.

Взвод начал кропотливо собирать Нефедова в дорогу. Никто не остался в стороне.

Клубился сигаретный дым. Солнечные пятна медленно ползли по лицам солдат.

Нефедова одели с ног до головы, и даже лишние вещи появились, которые их бывшие владельцы никак не соглашались забрать.

– А мама с братишкой? – встрепнулся Ахмеджанов. – Им тоже подарки нужны. Нельзя Кольке с пустыми руками ехать.

– Точно, – подтвердил Свиридов. – У меня сестренка маленькая. Я ей жеву припас. Я Нефеду для братана жеву отдам.

– А у меня платок есть. Большой, красивый, с серебристыми точечками, – сказал Ахмеджанов. – Наверное, подойдет Колькиной маме?

Все во взводе согласились, что платок подойдет.

– Платка мало, – заметил Горюнов. – К нему косметика нужна. У меня есть набор. И блески еще. Я их тоже отдам. Две коробочки.

Все засмеялись.

– Баран, – тут же отомстил за «идиота» москвичу Валерка Ступар. – Думай, что предлагаешь. Разве его мама будет блесками лицо мазать? Блески – это для девушки.

– Для нее и отдаю, – нисколько не обиделся на Валерку Горюнов.

– Нет у него девушки, – вздохнул Марат. – Точно знаю. Нефед только о маме с братишкой говорил.

– Будет, – уверенно сказал Горюнов. – Таких, как Николай, мало. Их бабы с руками-ногами отрывают. Будет у него девушка. Вот увидите.

11

Через несколько часов в штабе полка проходило совещание командиров батальонов и их заместителей.

Командир коротко подвел итоги за минувшую неделю. Упомянул он и о случае членовредительства во втором батальоне. Комбат, здоровый круглощекий майор, и его заместитель по политической части стыдливо завозились на расшатанных стульях.

Покачнулись столы, загремели стулья: офицеры начали выходить из кабинета. Совещание закончилось.

За столом остались круглощекий майор и щеголеватый капитан с раскрытым блокнотом в руках.

– Как этот там? – спросил устало и равнодушно командир полка, топя короткопалую ладонь в густой шевелюре, подернутой серебристой нитью.

– Лежит еще. Ничего страшного. Через несколько дней выпишут, – как чертик из табакерки, выскочил вперед начальника замполит и зачистил барабанной дробью, преданно глядя на комполка.

– Пусть лежит, – сказал устало подполковник. – Выйдет – в прокуратуру и дисбат. Посадим его. Чтобы другим неповадно было. Если мы на это сквозь пальцы посмотрим, то завтра половина полка калеками будет.

Замполит согласно качал головой.

– Ты-то что молчишь? – взглянул на комбата подполковник.

Майор надул и без того огромные щеки, молча протягивая командиру конверт, усыпанный с одного края большими печатными буквами.

Капитан удивленно взглянул на письмо и закусил губу.

Подполковник начал читать. Капитан обиженно смотрел на майора. Комбат полуприкрыл глаза и, казалось, дремал.

Командир полка уронил кулаки на конверт и поднял глаза.

– Вот сволочь, – сказал подполковник. – Я так думаю: если нажрался, то ложись и спи, а не концерты устраивай. Я в Белогорске еще служил, в Дальневосточном, так случай у нас произошел. Один старлей был на дежурстве и домой ужинать пришел. А датый уже. Где так набрался – неизвестно. Короче, садится за стол и жене приказывает: «Бутылку доставай!» А она ему: «Тебе дежурить. Куда еще пить?» Тогда старлей пистолет выхватывает: «Иль ставь, или застрелю!» Жена думала, что он шутит, а он и в самом деле застрелил. А тут? Вот сволочуга! И как солдату с такими мыслями можно в караул, например, заступать? Как ему службу нести? Хорошо, что еще не застрелился. Характер у парня есть. Не каждый так сможет. Или пан, или пропал.

Щеки у майора опали, и он согласно кивнул.

– Постой, а это не тот боец, который на духов в полный рост с пулеметом шел?

– Тот, – ответил комбат.

– Хороший солдат...

– Не то слово, – сказал скупой на похвалу майор. – Из деревень они все, в принципе, мужики стоящие, а этот вообще золото. Если бы все такими были – всю жизнь можно в армии служить.

– К ордену представили?

Замполит опустил глаза и забубнил под нос: «Запуталось как-то все. Замотался, закрутился, а ротного проконтролировать не успел».

Капитан врал без зазрения совести. Командир роты принес наградные листы. Замполит распушил пальцами бумаги, наткнулся на Нефедова и брюзгливо сказал: «У него медаль «За отвагу», а ты еще и на орден тянешь. Жирно для одного».

Лист превратился в мелкие клочки.

– Представим, сегодня же и представим, – зачастил замполит, делая пометки в блокноте, словно имел способность сразу обо всем забывать.

Седой подполковник склонил голову и начал вертеть зажигалку в пальцах.

Майор смотрел на командира. Замполит держал ручку наготове.

Комполка вздохнул, щелкнул зажигалкой, закурил и сказал:

– Нефедова представить к ордену Красной Звезды. Оформить руку как ранение на боевые. Послать благодарственное письмо за воспитание сына в семью. Сфотографировать у развращенного знамени части. Направить письма в военкомат и сельсовет с просьбой лучше его трудоустроить. Письма я и начальник политотдела подпишем.

Ручка порхала над блокнотом. Майор впервые за много дней улыбнулся...

12

Поздно вечером солдат из санчасти пришел за письмом к Свиридову. Фельдшер унес его к себе и там, в комнате для хранения формы, вложил замусоленный конверт во внутренний карман нефедовского хабэ.

13

Нефедова провожали возле штаба всей ротой. Ребята поочередно обнимали его, прижимали к себе и шутливо советовали не выпить в Ташкенте всю водку и не изнасиловать всех женщин, чтобы и на их долю хоть что-то осталось.

Николай улыбался краешком губ и молчал.

Внезапно тесное кольцо солдат разомкнулось, и Нефедов увидел Чижова.

– Как? – спросил взводный. – Не болит? Ударил-то я сильно.

– Нет, – ответил Николай. – Да я и не помню...

– Зато я помню, – угрюмо сказал Чижов. – Ты не обижайся. Сам все прекрасно понимаешь.

– Понимаю, – опустил голову солдат, для которого великой загадкой оставалось заботливое и душевное отношение к нему окружающих.

Взводный сделал шаг к Нефедову и протянул руку. Все увидели на ладони тоненькую серебристую зажигалку.

– Бери, – сказал дружелюбно Чижов. – Хорошая зажигалочка. Пьезовская. Искра идет, хоть электростанцию подключай.

Николай отрицательно мотнул головой.

– Дурило, – улыбнулся взводный, – к твоим сапогам только такая и подойдет.

Все засмеялись.

– А мне подарите, – спросил Горюнов, – если у меня такие же сапоги будут к дембелю?

Чижов хмыкнул:

– Я тебя лучше курить отучу.

Теперь вместе со всеми, как в былые времена, смеялся и Нефедов.

– Бери, кому говорят, – вновь повернулся к нему взводный. – С коробком спичек не очень-то удобно поначалу. А тут – щелк, и готово.

Солдат не шевелился. Тогда старший лейтенант опустил зажигалку ему в карман и пожал на прощание руку.

– От чистого сердца дарю. Вернешь – обижусь. Давай, Коля, не поминай лихом!

14

Бронетранспортер от ворот контрольно-пропускного пункта пошел по дороге вниз. Тонкая белесая пыль задымилась под колесами машины.

Нефедов оглянулся. Возле раскрытых ворот стояли ребята и махали руками. Даже худой, высокий и слегка сутуловатый Чижов поднял, как испанский революционер, сжатый кулак вверх.

Николай сорвал с головы кепи и замахал в ответ. А потом, когда жирные клубы пыли отгородили солдата от друзей, он закрыл новенькой кепкой лицо... Он смахивал со щек слезы и не стеснялся ребят в бронежилетах и касках, которые сидели возле заднего верхнего люка и чересчур сосредоточенно смотрели вперед.

Столб пыли становился гуще и выше. Ветра не было, и маленькие частички земли еще долго висели в воздухе...

Бахча

Разваренная пресная гречневая каша не лезла в горло, от баланды под кодовым названием «суп на м/б» – тошнило, ну а на перловку Гришин вообще смотреть не мог. Такая еда за полтора года службы осточертела, другой на оставшиеся полгода не предвиделось.

Рядовой Гришин заходил в злобе и тоске. В полукилометре от полка, за колючей проволокой и минными полями, раскинулась афганская бахча.

Солдат смотрел на огромное поле с четырехугольным шалашиком в центре и все гадал: как же ему дотянуться до бахчи? Близок локоть, да не укусишь. Гришин это прекрасно понимал. Как выйдешь, когда все вокруг охраняется? Да и страшно было. Не афганцев боялся солдат, а своих – офицеров. Заметят, накажут. Наччим точно свинцовыми кулаками грудную клетку вобьет в позвоночник. Короче говоря – сплошная безнадега.

Гришин смотрел на бахчу, затем вздыхал и плелся на пост, где на «зушке» – двустольной спаренной зенитной установке – дежурил его друг.

Под маскировочной сетью сидели Гришин с земляком Ивантеевым, курили и разговаривали о наболевшем.

– Это херня какая-то, Серега, – жаловался Гришин товарищу. – Лето в разгаре. У духов арбузы, виноград, яблоки, дыни, груши – все, что душе угодно, а мы консервами давимся.

– Если бы консервами, – шурился от дыма Ивантеев. – Когда ты сгущенку видел? А в каше тушенка есть? То-то! Я сам чувствую – еще немного, и листья с деревьев жрать начну. Слышь, я читал где-то, что в одной семье было малое дитя. И, значит, подходит оно к стенке и начинает лизать известку. Родители били ребенка, а он все равно языком по стенкам водит. Короче, предки стали следить за ним, всячески отгоняли, малый чуть не умер.

– ???

– Не понял?

– Избили до смерти?

– Бестолочь! В организме у него этого, как его, тьфу ты, черт, – Ивантеев взъерошил волосы, задумался, а потом хлопнул себя ладонью по лбу. – Во, вспомнил, кальция не хватало. Организм требовал, поэтому дитя известку и лизало... Бабка старая родителям малыша мозги вправила, а то бы хана...

– А у меня витаминов не хватает, – загрустил Гришин. – Я тоже, наверное, скоро сковырнусь. Слушай, когда ты последний раз арбуз точил?

Ивантеев бухнул с размаху, не задумываясь:

– Неделю назад.

Гришин выпучил глаза и посмотрел на друга так, словно ему уже завтра на дембель.

– Врешь!!!

Ивантеев ногтем большого пальца зацепил за передний зуб, поддел его, словно пытался выломать, а потом этим же ногтем резко чиркнул по горлу.

– На козла, – коротко сказал он.

– Вот это да!

– Димка-водитель с командирского бэтэра угостил. Они только-только из города приехали. Арбуз в бэтэре жрали и мне кусок отрезали. Я Димке когда-то классную дембельскую запонку на галстук выточил. Вот он и вспомнил.

– Везучие они. Ездят кругом. Что хотят – продают, что хотят – покупают. А тут сидишь день-деньской за колючей проволокой и никуда не выйти. Угроздило меня в химики попасть. Ни боевых, ни выездов, ни черта нет. Окочурюсь я с такой житухи!

– Скорее ты на войне окочуришься от пули, – справедливо заметил Ивантеев. – Радуйся, что жив-здоров. Сколько полк на последней операции потерял людей? А наш призыв возьми.

Жорка без ноги, Юрик Бахтин – слепой, Колька-Мерседес подорвался на фугасе. Вообще ничего от него не собрали. Дряни всякой напихали в цинковый гроб, запаяли и домой отправили. А что делать было? Я подсчитал как-то: из нас, нашего призыва, из ста шестидесяти трех человек девять убито, четырнадцать – калеки, сорок два ранены были. Я уже контуженых и всех тех, кто желтухами, тифами и прочей гадостью переболел, не считаю. Думаешь, инвалидом жить хорошо? Кому Юрик сейчас нужен? Он письмо прислал. Фиг разберешь. Буквы перекоженные – писал через какую-то картонку. Хреново, говорит, мужики. Блуждаю по дому, на углы натыкаюсь, никуда не выйти. С отчимом несколько раз дрался. Тот пьяный приходит – и на мать с кулаками. Юрик – защищать. Особо не помахался, когда ничего не видишь! – Ивантеев сплюнул. – Юрик просил Баклана к нему после дембеля заехать – помочь с отчимом разобраться. Но, говорит, я его, наверное, еще раньше прибуду. Издевается он над Юриком, падла. Вербки в доме исподтишка вяжет, а Юрец через них падает. А ты говоришь! Я вот тоже на сопровождение колонн рвался. Лучше, думал, ездить, чем на одном месте сидеть. Время так быстрее летит. А как под Кабулом нашу колонну сожгли и мне ногу прострелили – никуда не хочу. Из госпиталя вышел – сюда посадили. Я сижу и не рыпаюсь. И ранение вроде не тяжелое, а ведь болит, собака. Иногда как схватит, так слезы из глаз. Не хочу, а они льются и льются, – Ивантеев скривился и закончил: – Так что, братан, сиди и не дергайся. Дома нахаваться арбузов и ананасов...

– Декабрь будет. Какие фрукты? Сдать бы что-нибудь и нажраться всего досыта, – размечтался вслух Гришин. – Ведь на третьем посту проход в минном поле есть?

– Есть, – подтвердил Ивантеев. – Туда по ночам афганцы приходят, мужики с поста им товар сдают. Пайсу делают хорошую. А то! Сгущенку, тушенку, муку, рис – все, что тащат им со склада или столовой, то они и продают. А потом делятся с теми, кто им все это приносил.

– Мне и сдать нечего. Что у нас сопрешь? Противогазы?

– Кто на что учился, – ухмыльнулся Ивантеев.

Гришин вяло пожал ему руку и побрел в казарму. Настроение было окончательно испорчено, и продолжать разговор не хотелось.

И в расположении, лежа на кровати, думал солдат об арбузах. Ну не смешно ли? Вокруг фруктов полным-полно, продаются они по дешевке, кто-то ими обжирается, а они – весь полк – только слюну глотают.

Запрещено было русским покупать у афганцев фрукты. Везли их на машинах или перебрасывали на самолетах из Союза, но все равно ничего из этого до бойцов не доходило. А самим частям, чтобы что-то купить, – ни-ни. Боялись, что подсунут отравленные фрукты. А как они подсунут? Если мужик с соседнего поля их продает, а сам живет рядом и дом его тут же стоит, где детей – орава. Разве будет он этим заниматься? Понимает прекрасно, что за такие шутки шурави-советские в порошок сотрут всю его семью, а от дома камня на камне не оставят. И потом, то ли все это на базар таскать и там продавать по килограмму, то ли сразу – оптом – все сдать. Есть разница? Конечно, есть. А что касается денег, то их в полку полным-полно. Под ногами валяются. Какая свалка битых машин за автопарком! Переводчик Каримов рассказывал, что из кишлака афганцы приходили к командиру полка. Разговаривали о свалке. Предлагали два миллиона афшек, чтобы ее к себе перетащить. Они молодцы. Ребята говорят, что наши сожженные машины афганцы до болтика разбирают. Все у них в дело идет. А здесь такое богатство ржавеет!

Два миллиона! У Гришина перехватывало дыхание, и он судорожно начинал думать, что же на эти деньги можно купить. Выходило так много, что у солдата сдавливало грудь, и он отгонял от себя эти мысли. Еще бы! Видеомагнитофон стоит в дукане сто тысяч. Да за два миллиона всю долину, все поля, наверное, можно купить.

Но кто купит? Гришин прекрасно понимал, что никто не отважится продать этот металлолом: ни командир, ни его заместитель, ни начальник штаба. Дорого им эта сделка обойдется,

ведь настучат... А то, что сделает это кто-нибудь, Гришин не сомневался. Зависть да жадность – подружки подлости, все втроем ходят, под ручку. Вон у них два прапора продали машину бензина, да деньги не поделили. Рассорились и в штаб друг на друга стуканули. В итоге – разбирательство, шум и суета.

Горы винограда и сочные, продолговатые арбузы вкупе с ароматными янтарными дынями постепенно исчезали в воображении Гришина и от этого казались ему еще желанней. Настолько, что если бы добрый волшебник на соседние кровати с одной стороны от Гришина положил девушку, а с другой – сочный, аппетитный арбуз, то солдат бы надолго задумался, что выбрать.

До чего дошел Гришин... Девушка и арбуз... Арбуз слаще... Афган гребаный, до чего довел пацана...

По ночам снилась Гришину бахча.

А за колючей проволокой наяву, а не во сне созревали огромные арбузы, уткнувшись огромными мордами в сухую землю.

Однажды после обеда пришел Гришин к Ивантееву. Настроен он был решительно.

– Ну его на хрен, Серега! Пойдем на бахчу.

– Каким образом?

– Да через третий пост, по проходу.

– Прямо сейчас?

– Конечно.

– А ты не того? – Ивантеев покрутил пальцем у виска. – Офицеры сцапают – умрешь, бегая в полной боевой выкладке по плацу.

– Сам ты того, – обиделся Гришин. – Что я, придурок, просто так дело предлагать? Я же все продумал. Сегодня в пять часов в клубе собрание офицеров и прапорщиков полка. Все до одного туда сползутся – это точно. Думаю, что не меньше часа будут заседать. Да мы за двадцать минут все сбцаем. Вещмешки с собой возьмем, гранаты на всякий случай – и всех делов.

Ивантеев задумался.

– А сторож?

Гришин захохотал:

– Да он же одноногий. Прыгает на своей деревяшке еле-еле. Что он нам сделает? А если подойдет, ругаться начнет, то дадим ему в тыкву, и все.

– Вообще-то можно, – неопределенно сказал Ивантеев.

– Не можно, а нужно, – напирал Гришин. – Вещмешки и гранаты я уже приготовил.

И в конце концов Ивантеев согласился.

В начале шестого, проинструктивровав ребят на третьем посту и пообещав им парочку спелых арбузов, друзья подались на бахчу.

Солнце скатывалось за горы. Его лучи уже не испепеляли землю, а лишь скользили по ней.

Задыхаясь, солдаты подбежали к бахче и начали торопливо ворочать арбузы, выбирая самые лучшие.

Вещмешки постепенно раздувались. Из шалашика выглянул смуглолицый парнишка, всмотрелся в солдат, а потом приветливо замахал рукой. Друзья переглянулись.

– Подойдем, что ли? – спросил Гришин.

– Давай.

Афганец торопливо скакал навстречу. Он радостно улыбался, показывая мелкие частые крысиные зубки. Протянул немытую руку, зацепился ею за крепкие мозолистые солдатские ладони. Приглашая, ткнул пальцем в сторону шалашика.

– Бийо. Унджа бийо. На тарс. Душман нист.

Слова «душман» и «нист» были друзьям знакомы. Гришин кивнул головой.

– Нист так нист. Пойдем, мужик.

«Мужик», как птица с перебитой лапой, запрыгал к шалашу. Солдаты посмотрели на пост, убедились, что знака тревоги нет, и зашагали за пацаном.

В шалаше уселись они на землю треугольником.

– Ангур бухо?

Ивантеев с Гришиным непонимающе переглянулись.

Парнишка потянулся к узелку, развязал его. Там оказались спелые большие грозди винограда.

– Ин ангур аст! – сказал афганец и вложил виноград в руки солдат.

Гришин угостил пацана сигаретой.

Не успел парнишка сделать несколько затяжек, как друзья выбросили пустые кисти.

– Хороший виноградик, – вздохнул Ивантеев. – Вот такого бы набрать.

Мальчишка, казалось, понял, о чем сказал солдат. Он вытащил сигарету изо рта и быстро заговорил, высовываясь из шалаша и указывая на два одиноких дувала, которые стояли почти у самого подножия гор. Расстояние до них – с километр.

– Дар унджа ангур бесийор зияд аст!

Парнишка широко разводил в стороны руки, надувал щеки и качал головой.

Друзья задумались.

– Сходим, что ли? – предложил Гришин. – Гулять так гулять! Я и винограда хочу.

Ивантеев посмотрел в сторону полка:

– А если заметят?

– Тоже верно, – согласился Гришин и повернулся к афганцу: – Понимаешь, бача, мы бы сходили, но нам нельзя. Командор, понимаешь, – Гришин ткнул пальцем в сторону вышек, а затем свел пальцы в кулак и ударил им несколько раз себя по челюсти, – голову оторвет. Сходи лучше ты. А мы тебя подождем здесь.

Гришин показал на пацана и задвигал двумя пальцами, будто шагает тот в сторону дувалов. Парнишка понял, вздохнул и так же выразительно показал на деревяшку.

– На ней много не набегаешь, – согласился Гришин.

Он посмотрел на Ивантеева.

– Сходим, что ли?

Афганец потянул Гришина за рукав, выполз из шалаша, показал на арык, который проходил рядом, и быстро заговорил.

– По арыку предлагает проскочить. Шурупит, бача. Точно, арык сейчас сухой.

Гришин вскочил с земли, захлопал по штанинам ладонями, отряхивая пыль.

– Давай сходим. Вещмешки здесь оставим. Виноград в майки собирать будем, узлом их с одной стороны свяжем.

Солдаты бросили взгляд на пост – по-прежнему все спокойно. И они, пригибаясь, побежали к арыку.

Гришин с Ивантеевым зашли за дувал и остолбенели: два бородатых афганца целились в них из автоматов. Пацан что-то радостно закричал за спинами солдат.

– Бежим! – вскрикнул Гришин и опрометью бросился за угол. Тенью метнулся за ним Ивантеев.

Одноногий, который стал калекой из-за советской противопехотной мины, пискнул и кинулся в ноги Гришину. Тот покатился по земле, судорожно вырывая из кармана гранату, затем дернул за кольцо и швырнул «эфку» за дувал. Взрыв.

Гришин вскочил, с силой вбил носок полусапога в ребра пацану и помчался к полку. Далеко впереди маячил Ивантеев, быстро перебирая ногами.

Услышав взрыв, на посту заволновались. Солдаты увидели, как по полю, спотыкаясь, бежали две фигурки. Они размахивали руками и не оглядывались.

Застучали прицельные автоматные очереди. Первым споткнулся и врезался в землю Ивантеев. Петляя, как заяц, мокрый и задыхающийся, к нему подбежал Гришин. Рванул за плечо, перевернул, заглянул в угасающие глаза друга.

– Серега, ты чего? Сере...

Договорить он не смог. Пули пробили ему грудь и горло, сорвав напоследок кусок черепа на затылке. Мозг цвета горчицы каплями усеял спину солдата. Кровь хлынула на Ивантеева, и Гришин упал рядом с земляком, с силой ударяя ногами по земле. Вскоре и он затих.

Остервенело заработали «зушки» на постах, разбивая серые стены. Потом по дувалам била артиллерия. Танк, выползший из капонира на прямую наводку, бухал монотонно и однообразно. Стены строений вздувались пузырями пыли.

На следующее утро на трибуне стоял командир полка. Перед трибуной – на старых плащ-палатках – тела Ивантеева и Гришина.

На плацу – общее построение полка.

Сначала говорил командир, потом замполит. Они рычали, матерились и грозили всеми карами тем, кто еще хоть раз попытается выбраться за пределы полка.

Затем командир, как всегда, рявкнул в микрофон:

– К торжественному маршу! По-рот-но! Дистанция – двадцать метров! Управление прямо, остальные на-пра-во! Шагом марш!!!

Из динамиков грохнула музыка. Полк зашагал по периметру. А вдоль трибуны уже рубили строевым шагом первые роты, повернув головы направо и вздернув подбородки. Командир стоял как чугунный...

Богиня

Ольга появилась в бригаде ближе к обеду, когда штабная машина вернулась с аэродрома и остановилась у длинного модуля, где размещалась строевая часть.

Буквально через несколько минут слухи о новенькой, словно камень, брошенный в воду, большими возбужденными кругами разошлись по всему «пункту постоянной дислокации», который, казалось, вымер из-за непереносимой жары: «Дуканщица приехала! Молодая! Красивая!»

Все только тем и занимались, что передавали друг другу такую сногшибательную новость. А майор Коваленко, доставивший продавщицу в бригаду, ходил от модуля к модулю гоголем и в ответ на постоянные расспросы лишь равнодушно пожимал плечами, чем сразу вызывал к себе жуткую неприязнь, а к «дуканщице» – еще больший интерес.

Ольга и в самом деле была хороша: прекрасная фигура, упругая волнующая грудь, мило-видное лицо.

Бригада уже при первом взгляде на женщину ошалела, оцепенела в изумлении, а затем задышала часто, жадно, порывисто, точно собака во время затянувшегося гона. Подобной прелести здесь еще никогда не было.

Десяток местных «старожилок» моментально отвергли новенькую, на фоне которой стали еще заметнее их морщинистые шеи, многоэтажные складки под подбородками и серебристые нити в крашенных волосах.

Немногочисленная женская колония, сплотившись, ошетибилась и все разговоры о «дуканщице» прерывала грубо, с ходу, насмешливо.

Бригада, где все у всех постоянно на виду и где в строевой части в отдельном стальном сейфе теснились красные папки личных дел, биографию Ольги выучила наизусть: двадцать пять лет, торговый техникум, замужем не была, детей нет.

По сравнению с искореженными, разодранными разводами судьбами местных женщин такая довоенная жизнь казалась необычайно светлой, слегка загадочной и от этого еще более привлекательной. Как и сама Ольга.

У солдат при виде молодой женщины выкатывались глаза. Офицеров и прапорщиков томили весьма определенные желания, у наиболее впечатлительных реализовавшиеся лишь во снах.

Появление такой женщины в зачуханной афганской глубинке было сродни взрыву ядерной бомбы. В бригаде, иссушенной солнцем и припорошенной пылью, давно смирились с тем, что все самое лучшее и дорогое необходимо Кабулу. Пусть это будет даже даром бесценным, ниспосланным с небес, – женщиной.

Все мужики мечтали познакомиться с новенькой, да никак не решались на это. И не только потому, что казалась нежная девушка недоступной. Главной причиной оставалась военная субординация, во всем определяющая местную жизнь.

Командир бригады, его заместитель, замполтылу и начальник политического отдела «походно-полевых жен» имели. Из шишек «холостяковали» только начштаба и зампотех. Они упорно блюли супружескую верность и женщин даже на ночь к себе не водили.

По вечерам подполковники запирались в одной из своих комнат и глушили водяру до посинения.

Выходило, что из верхушки на Ольгу никто не претендовал, и можно было бы смело бросаться в любовную авантюру. Однако бригада достаточно изучила своих начальников. Вперед по-прежнему никто не спешил. Что было правильно.

Первым сломался заместитель комбрига.

Гонцы еще с утра укатили в город: за водкой, шампанским, зеленью и отборными фруктами. Вечером у зама был сервирован роскошный стол, которому любая хозяйка и в Союзе позавидовала бы.

Странное стечение обстоятельств свело в интимном полумраке только двоих: Ольгу и зама. Подполковник любил иногда провести вечер «при свечах» или «тет-на-тет», как он сам выражался.

Что там за деревянными, а не как у всех фанерными, дверьми в темно-красном полумраке происходило – неизвестно. Но наутро по бригаде возбужденным эхом гуляло: «Зам в полете! Рвет и мечет! По дороге к штабу застроил двух подвернувшихся бойцов, выдрал их как сидоровых коз, лычки в пыль втоптал и пинками погнал на губу!»

А прекрасная Ольга, как обычно, поутру пришла на работу. И день ее, как два патрона в обойме, был похож на предыдущий.

Как всегда, после ее появления в бригаде магазинчик был набит до отказа выгоревшими военными робами. Всякий солдат, которому выпала свободная минутка, не говоря уже о командирах, стремился пробиться сквозь плотную толпу внутрь тесного фанерного домика. Покупки оказывались мизерными: пачка «Примы», два серых конверта без марок, цветастый пакетик югославских леденцов или же запыленная бутылочка «Боржомии». В это утро, расплачиваясь, каждый пытался хоть улыбкой поддержать Ольгу и выразить ей свое восхищение.

Зама в бригаде ненавидели. Был он маленьким, толстым, краснорожим и, вдобавок ко всему, совершенно глупым. Замечательно у него выходило только одно – построить рядами людей на плацу под палящим солнцем, самому устроившись под навесом, и долго материть их. А вот воевать подполковник не любил и не умел.

Кроме всего прочего, зам был человеком злопамятным. Все понимали, что подобный позор он не простит и обязательно сведет счеты с «недоτροгой». Выждет подходящий момент и унизит, сломает ее, а потом, если обстоятельства позволят, вышибет в Союз. За аморалку, естественно. А что такой случай найдет – в этом никто не сомневался.

Вот так нескладно начиналась жизнь Ольги на чужбине. Не успела толком обжиться и осмотреться на новом месте, а уже была обречена, и спасти ее мог только другой начальник, приблизив, естественно.

Что же теперь будет – размышляла бригада. Но долго голову ломать не пришлось...

Вторым дрогнул заместитель по тылу. Холеного полковника потянуло на «молодайка», как одряхлевшего беззубого пса к нежному парному мясу.

Стол у заместителя командира бригады по тылу был гораздо богаче, результаты – плачевней. Ольга к полковнику вообще не пришла.

Зампотылу был унижен, словно желторотый юнец, который решил впервые (и поэтому крайне вульгарно) позаигрывать с одноклассницей, но тут же с ходу получил от нее звонкую пощечину.

Бригада хохотала. Отдавая честь полковнику, офицеры многозначительно ухмылялись. Солдаты свистели вслед из-за углов. Насмешки проявляли настолько открытые, что даже походная зампотылова «жена», которую он так неудачно попытался «бросить», сочла себя оскорбленной и немедленно отнесла «дуканщицу» к своим самым смертельным врагам.

Тучи над Ольгой собирались черные, тяжелые, обещая вскоре разразиться грозой.

Но все холостое население бригады эгоистично, совершенно по-детски ликовало. «Женщина! Настоящая женщина!» – решили парни и по уши влюбились в продавщицу.

Солдаты чувства свои переживали втихомолку. И если кто-нибудь, втайне мечтающий лишь о простом разговоре с Ольгой, пытался такие мечты прикрыть пошлой шуточкой, он тут же получал в морду от друга-приятеля, который особенно не скрывался за маской обычного в армейской среде цинизма.

Молодые офицеры вздыхали откровенно.

– Богиня! – валился на кровать старший лейтенант Витька Юдин, закидывал руки за голову и мечтательно смотрел в покоробившийся фанерный потолок. – Настоящая богиня!

После подобных многократных восклицаний он надолго замолкал, и острые, почти резкие черты лица постепенно разглаживались.

Именно с легкой Витькиной руки и пошло гулять по бригаде – Богиня. Все решили, что это самое верное, точное слово и лучше не подберешь.

Юдин же совершенно забросил гитару и по ночам стал судорожно черкать что-то на клочках бумаги, выкуривая разом чуть ли не пачку сигарет. И все в комнате понимали – пишет Витька стихи. Товарищи, грустя, знали, что Юдину они совершенно не конкуренты. Полюбит его Богиня. Непременно полюбит. Потому что в бригаде был Витька всеобщим любимцем: за смелость, удачливость, красоту, силу, легкость характера и постоянное желание помочь ближнему своему. А как на гитаре играл, пел...

Лишь зам надувался, как красный шарик на майские праздники, завидя Юдина, и долго топал на рогатого ногами.

В общем, как предполагали друзья, так и сложилось – полюбили Витька и Богиня друга друга.

Старший лейтенант Юдин от счастья обалдел: мозги набекрень и улыбка во всю счастливую рожу.

Мужики сначала позлились на него, затем до заворота кишок позавидовали, потом вновь озлобились на «любимчика Фортуны», да и остыли. Потому что были справедливы и понимали: Богиня досталась Витьке по праву.

Женщины, еще недавно баловавшие «Витеньку» борщами, пельменями и прочей невиданной в этих местах жратвой, теперь презрительно фыркали, завидев Юдина с Богиней, зло поджимали вялые отцветшие губы и дружно, словно по команде, отворачивали головы в сторону.

Юдин на подобное к себе отношение – ноль внимания. Старший лейтенант носил возлюбленной охапки пересохшей травы, трогательно называя их «букетами», писал бесчисленные поэмы и сочинял песни, посвящая их, конечно же, Богине.

Злые женские языки в своей черной ненависти дошли до того, что рассказывали всем о Витьке, что он таскает «дуканщицу» на руках по комнате. Впрочем, «эту» они тоже не обходили вниманием, запальчиво утверждая, что разномастные пучки трав она развешивает по комнате твердыми хвостами вверх.

Но бригаде было на подобные грязные сплетни наплевать. Бригада засматривалась на влюбленных.

Подчиненные старшего лейтенанта гордились командиром и считали Богиню частью своей прославленной роты, свысока поглядывая на остальных пехотинцев, обделенных таким богатством.

Если требовалось отнести Богине картошки со склада или же буханку только что испеченного хлеба, то делали это не молодые, которые первые полгода привычно были на побегушках, а самые уважаемые и заслуженные «дедушки», установившие меж собой справедливую очередь. Перед кратким походом они самолично тщательно утюжили форму, подшивали наиболее белый воротничок и до зеркального блеска начищали разбитые и потрескавшиеся полуботинки.

Но жизнь почему-то устроена так, что чем лучше одним, тем больше злобятся от этого другие.

Красномордый зам, не находя себе места от ярости, развил кипучую деятельность, желая изгнать из бригады... Юдина. Поначалу он собирался перевести того в батальон, находившийся у черта на куличках. Однако на дыбы встал начальник штаба, утверждая, что идти на повышение Юдину еще не время.

Тогда неутомимый «Шарик» подыскал Витьке место на отдаленной заставе. Но командир бригады, не так давно подписавший наградной лист на ротного, удивленно вскинул мохнатые брови: «Виктор Саньч, я... конечно... все понимаю, но толкового командира загонять в четыре стены, как шпротину в банку?»

Зам стал бордовым, однако аргументов весомых и, главное, по делу – не нашел. Но подобные неудачи лишь подхлестнули его. Он не остановился, а только придумывал месть поизощреннее да время для ее осуществления выгадывал.

Однако... внезапно... Витька... погиб. Произошло это глупо, странно, совершенно беспричинно: шел ночью проверять караул и налетел на пулю часового.

Почерневший солдат только и знал, что тупо твердил в караулке:

«Стой, кто идет?!» – кричу. Он идет. Молчит. «Стой, кто идет?» – кричу. Он идет. Молчит.

Находившийся в тот момент неподалеку на вышке другой часовой клялся и божился, что так оно и было. В темноте на пост вышел человек. Кто – не рассмотреть. На оклики не отзывался. Шел, не сворачивая. И после предупредительной очереди вверх не только не остановился, а еще быстрее зашел вперед.

Короче говоря, это были совершенно невнятные бредни. Никто из допрашивающих даже не собирался выслушивать их до конца. Все подозрения цунами обрушились на перепуганных и дрожащих солдат, которых после бесчисленных увесистых ударов по мордасам заключили под стражу, вполне справедливо считая, что один из них за что-то убил Юдина, а другой, будучи в сговоре, выгораживает своего дружка.

И если бы дело пошло по накатанным рельсам: официальные протоколы в прокуратуре, а затем суд, то одному из часовых быть расстрелянным, а другому – трудиться долгие годы на лесоповале в далеких морозных лагерях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.